

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ЦЕНА 40 КОП.

№ 9 МАРТ

2576
15

МОСКВА 1936

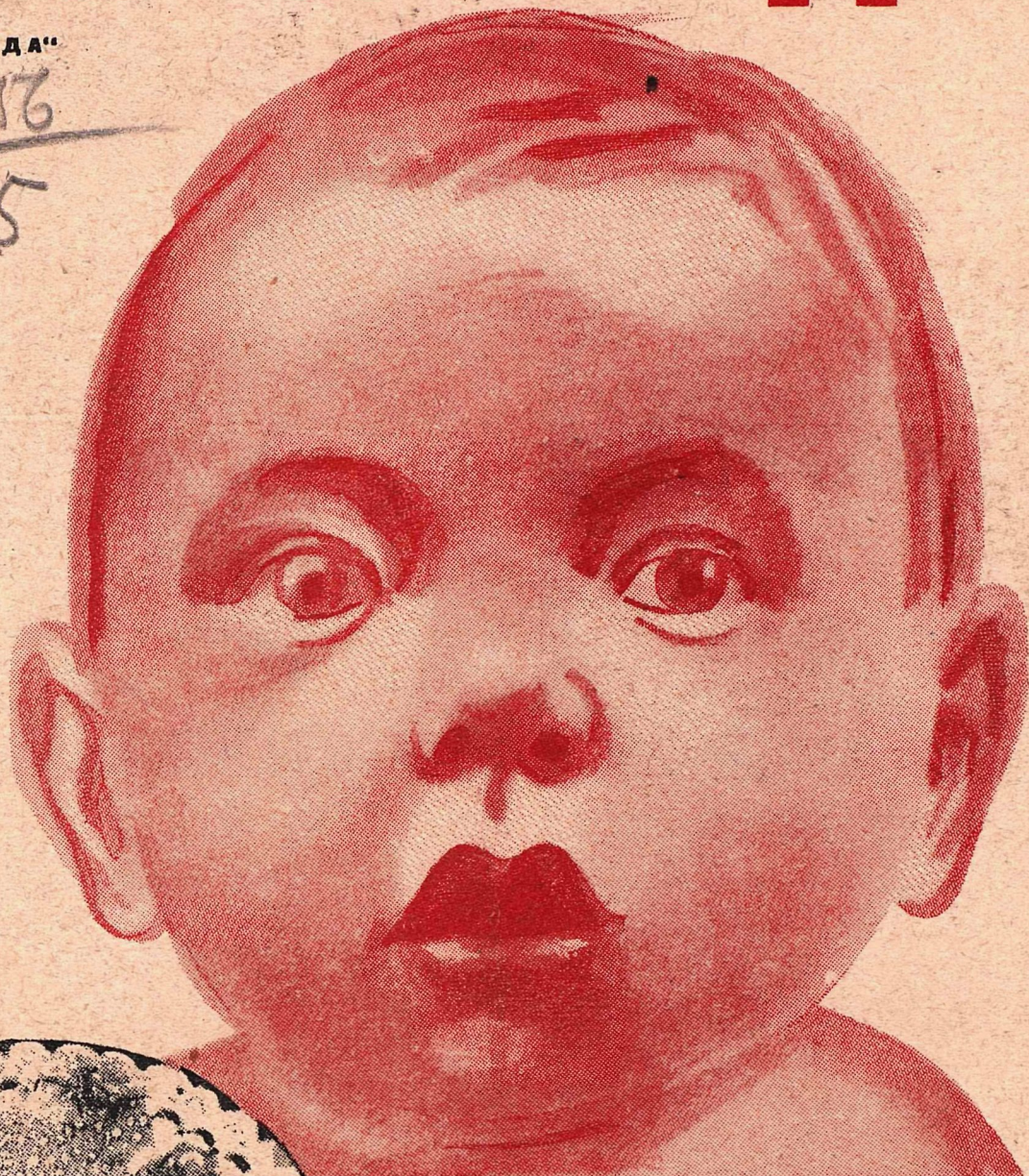
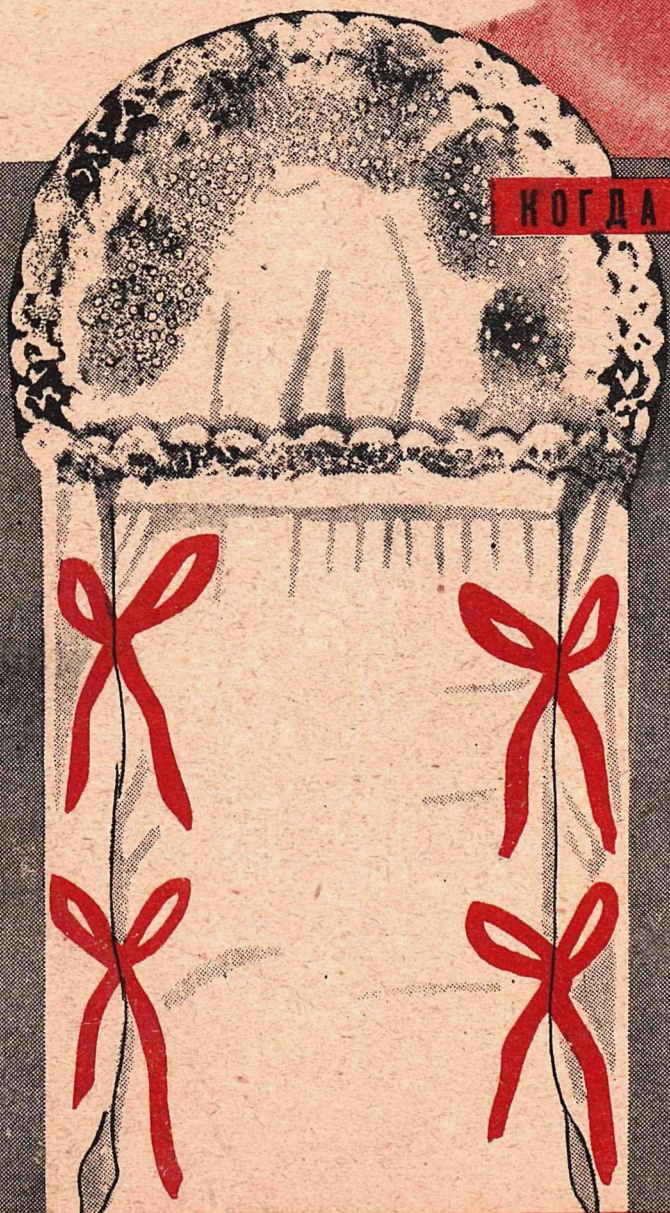

Рис. Л. Бродаты

КОГДА РОЖДАЕТСЯ РЕБЕНОК...

Дорогая Мама!

Я очень нуждаюсь последнее время и кроме того у меня большие расходы, так что на ребенка давать ничего не могу и ...

г. Москва

Марья Петровна
Ивановна

Арбат г. 181 кв. 90.

...МАТЬ ДЛЯ НЕГО ГОТОВИТ ТАКОЙ КОНВЕРТ.

...А ОТЕЦ ИНОГДА ОГРАНИЧИВАЕТСЯ ТАКИМ

Рис. Н. Ротова

— Я тоже за укрепление семьи, но только на прочной базе аборта. Что такое хорошая семья? Теория. Что такое хороший аборт? Практика. И довольно выгодная. Особенно, если делаешь на скорую руку и хорошо за это получаешь. Я как врач-абортист стою за практику. И преимущественно свою. У меня у самого дети — надо же им жить!

— Вот говорят: не тормози в нарсуде алиментные дела, а как их срочно провертывать — когда приходят к тебе двое граждан и излагают. Один говорит: «Я мама», а другой указывает: «Я, может, по некоторым мелким фактам и папа, но платить мне не хочется». Ну, конечно, свидетелей вызываешь, чтобы определить, какая из сторон родители, а какая нет, а дело лежит, и в газетах обижаются и ударяют. А малютки растут и не кушают. Очень путаные эти дела насчет любви и уплаты...

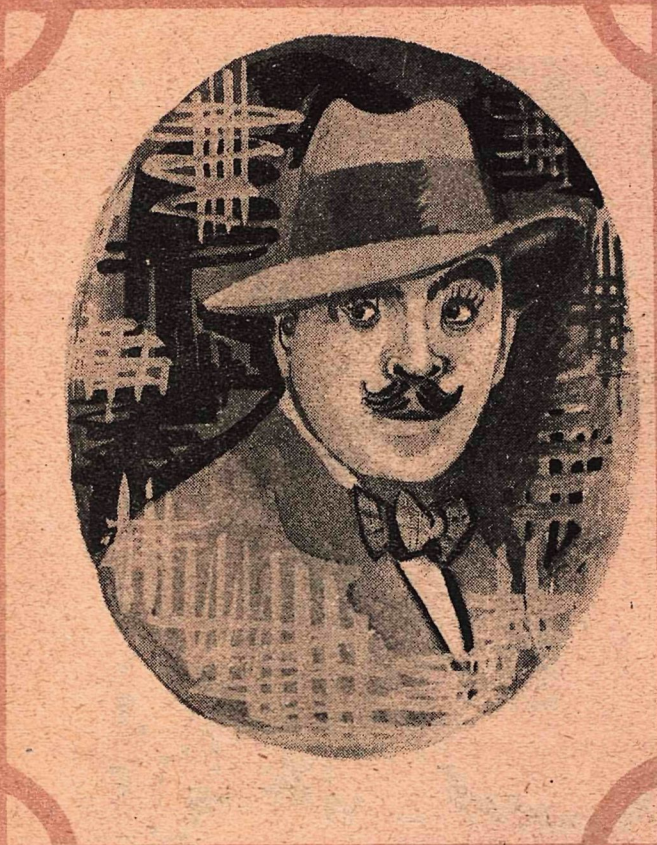
— Разрешите мне ответить вместо мужа: он очень робок и к собственным ответам не приучен. Я за детей, но они очень портят талию красивой женщине. Поэтому я завела шпидра Джека. Он так идет к моей фигуре. Детей надо обувать, одевать, а у Ивана Петровича еле хватает сил, чтобы одеть одну меня к каждому сезону. Поэтому у нас брак поставлен исключительно на крепкой духовной связи: то он мне пишет в Крым, то я ему отвечаю с Кавказа... Обязанности жены? Не знаю, не слыхала. Впрочем, о них мне что-то говорил один молодой человек в Сочи, когда отправлял меня обратно к мужу в Москву...

— Что от меня хотят? Помогать семье? Пожалуйста, но только из основного жалования. С меня и так ежемесячно в их пользу 35 рублей 09 копеек высчитывают. Помогать родителям? Не отказываюсь. Я и так папаше в прошлом году наложенным платежом копченого сига выслал — пусть кушает старик. Я не против, но нельзя же до бесчувствия! Так я никогда автомобиль не куплю.

ДОВОЛЬНЫХ

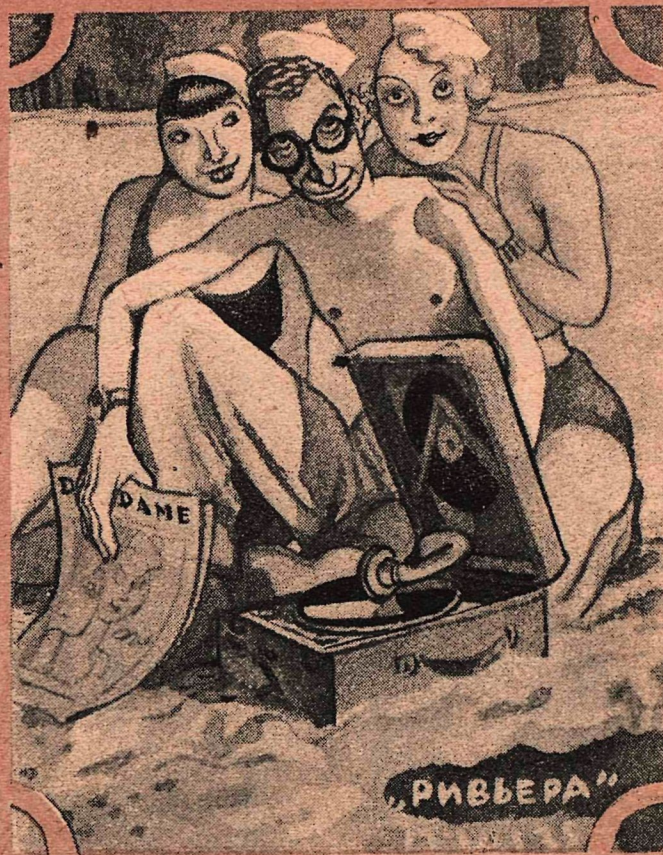
О СЕМЬЕ И БРАКЕ)

— Я целиком и полностью за счастливый брак, но против алиментов. Алименты вносят разлад в уют трудовой семьи. Они настраивают малюток против отца и не дают ему забыться. Будучи однажды вторым завхозом в неукрупненном тресте, я как отец и хозяйственник вносил алименты за одного маленького ребенка. И что же? Никакого морального удовлетворения. Только осадок на душе и почтово-телеграфные хлопоты. Женщина должна быть свободной. Пусть ей государство жалованье платит, а зачем ей зависеть от частного самца-мужчины?

— Творческому работнику семья не нужна. Ребенки, пеленки... Генрих Байрон жил один. Джек Уальд тоже. Когда я ушел от Вари к Соне, жил с Генриэттой и ухаживал за Ниной, я почувствовал весь ужас семьи. Я не только не мог творить, у меня не было времени даже повидаться с Катей. Семья — это труп любви, крематорий заработков и вообще не дело для человека вдохновения. С женами несколько легче: они изменяют и уходят к другому. Но дети, они никогда не изменяют и всегда остаются дома. Какая пошлость! И вообще не тревожьте меня бытом: я и так уже два года не могу приступить к работе и живу только надеждами трех издательств на мой талант...

— Я не против честной трудовой семьи. Наоборот. У меня у самого еще недавно три семьи было. И все, как нарочно, нуждались. Теперь их меньше стало. Одна семья замуж за архитектора вышла. Больше не нуждается. Даже мне отрез на летний костюм прислали. Но при чем дети? Я предпочитаю взрослых. Особенно блондинок. Брюнеток тоже. Два — три номера журнала мод, патефончик — как мало надо взрослым и как требовательны дети! Нет, перетомленным ответственным работникам еще слишком рано думать о многодетной семье!

Мальчик Алеша. Родился на четырнадцатом году революции. Никаких старых навыков не имеет. Растет в нормальных условиях, для того чтобы стать хорошим гражданином СССР. В непривлекательную компанию опрашиваемых попал случайно. Если бы мог ясно и четко сформулировать свои мысли, наверное бы ответил:

— Скажу спасибо за закон, твердо охраняющий интересы советской семьи и мои права.

Рис. Ю. Ганфа

— Читал, Джим? В Бруклине целая семья за обедом отравилась паштетом из пулярдки.
— Вот, видишь, как надо быть осторожным, когда у тебя есть обед.

ДРЕВНИЕ ЕГИПТЯНЕ И тов. КАРАНДАШОВА

Это просто поразительно, до чего в древнем Египте доходила дикость и необразованность!

Например: «Часто в Египте можно было встретить князей, верящих во всякие небылицы!»

В связи с этим у каждого дальневосточного пионера, естественно, возникает вопрос: ну, а с трудящимися как дело обстоит в древнем Египте? Восставали они, была ли у них литература?

Все, оказывается, было в порядке.

«Крестьяне в Египте ненавидели своих угнетателей и, когда представлялся удобный случай, восставали против них».

Что касается литературы, то «у трудящегося населения Египта была своя литература: рыбаки, пастухи, носильщики, крестьяне во время работ пели свои песенки в ритм своей работы».

Снабдив юных читателей рядом других равноценных сведений из жизни древних египтян, хабаровская газета «Знамя пионера» тут же обогащает знания пионеров кое-какими черточками из жизни Виктора Гюго:

«Он стоит за Коммуну до тех пор, пока верит, что к ней можно прийти мирным путем, без вооруженной борьбы».

И все же несмотря на это обстоятельство «Чевствование похорон (Виктора Гюго) продолжалось около 10 дней».

Нужно надеяться, что «чевствование» безграмотности и расхлябанности редактора «Знамени пионера» Карандашовой займет хотя бы один час на заседании бюро Дальневосточного крайкома комсомола.

П Р Я Н И К И

(НОВЕЛЛА ИЗ ПОВЕСТИ «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ»)

Павлик проснулся до рассвета. Для него сочельник был двойным праздником: он как раз совпадал с днем его рождения. Можно себе представить, с каким нетерпением дожидался мальчик наступления этого, хотя и радостного, но вместе с тем весьма странного дня, когда ему вдруг сразу делалось четыре года. Вот еще только вчера было три, а уже сегодня—четыре. Когда ж это успело случиться? Вероятно, ночью.

Павлик давно решил подстеречь этот таинственный миг, когда дети становятся на год старше. Он проснулся среди ночи, широко открыл глаза, но ничего особенного не заметил. Все как обычно: комод, ночник, сухая пальмовая ветка за иконой. Сколько же ему сейчас лет: три или четыре? Мальчик стал внимательно рассматривать свои ручки и подрыгал под одеялом ногами. Нет. Руки и ноги такие же, как вечером, когда ложился спать. Но, может быть, немного выросла голова? Павлик старательно ощупал голову, щеки, нос, уши... Как будто бы тоже, как вчера. Странно. Тем более странно, что утром-то ему непременно будет четыре. Сколько ему сейчас? Не может быть, чтобы до сих пор оставалось три, но, с другой стороны, и не четыре, что-то непохоже. Хорошо было бы разбудить папу. Он-то, наверное, знает. Но вылезать из-под теплого одеяльца и шлепать босиком по полу... нет уж спасибо! Лучше притвориться, что спишь, и с закрытыми глазами дожидаться превращения. Павлик прикрыл глаза и вдруг, сам того не замечая, заснул, а когда проснулся, то сразу увидел, что ночник уже давно погас и в щели ставень брезжит синеватый, темный свет раннего-раннего зимнего утра.

Теперь не было ни малейшего сомнения, что уже—четыре. В квартире все еще крепко спали. Даже на кухне не слышалось дунинной возни. Четырехлетний Павлик проворно вскочил с кровати, сам оделся и осторожно, обеими ручонками открывая скрипучие двери, отправился в гостиную.

Там впотымах, наполняя всю комнату сильным запахом хвои, стояло посередине нечто громадное, смутное, до самого паркета опустившее темные лапы в провисших бумажных цепях. Павлик уже знал, что это елка. Пока его глаза привыкали к сумраку, он осторожно обошел густое, бархатное дерево, еле-еле мерцавшее серебряными нитями канители. Каждый шажок мальчика чутко отдавался в елке легким бумажным шумом, вздрагиванием, стеклянным шуршанием воздушных игрушек.

Привыкнув к темноте, Павлик увидел в углу столик с подарками и тотчас бросился к нему, забыв на минуту о елке. Подарки были превосходные, гораздо лучше, чем он ожидал: лук и стрелы в бархатном колчане, роскошная книга с разноцветными картинками «Птичий двор бабушки Татьяны», настоящее взрослое лото и лошадь—еще больше, еще красивее, а главное, гораздо новее, чем Кудлатка. Были кроме того жестяные корбочки монпансье Жорж Борман, шоколадки с передвижными картинками, маленький тортик в круглой коробке. Павлик никак не ожидал такого богатства. Полон стол игрушек и сластей, и все это принадлежит ему.

Однако мальчику этого показалось мало. Он потихоньку перетащил из детской в гостиную все свои старые игрушки, в том числе и ободранную Кудлатку, и присоединил к новым. Теперь игрушек было много, как в магазине, но и этого показалось мало. Павлик принес свою знаменитую копилку и поставил ее посередине стола, на барабане, как главный символ своего неслыханного богатства. Устроив эту триумфальную башню из игрушек и полюбовавшись ею всласть, мальчик снова обратился к елке.

Его давно уже тревожил один, очень большой, облитый розовым сахаром пряник, повешенный совсем не высоко на желтой гарусной нитке. Красота этого звездообразного пряника с дыркой посередине вызвала непреодолимое желание его скушать. Не видя большой беды в том, что на елке будет одним пряником меньше, Павлик отцепил его от ветки и сунул в рот. Он откусил порядочный кусок, но, к удивлению, заметил, что пряник вовсе не такой вкусный, как можно было подумать. Больше того: пряник оказался про-

сто отвратительным: тугим, житным, несладким, с сильным запахом патоки. А ведь по внешнему виду можно было подумать, что именно такими пряниками питаются белоснежные рождественские ангелы на небе, поющие в сочельник по нотам. Павлик с отвращением повесил обратно на ветку надкушенный пряник. Для мальчика было очевидно, что это какое-то недоразумение. Очевидно, в магазине случайно положили негодный пряник. Тут Павлик заметил другой пряник, еще более красивый, облитый голубым сахаром. Он висел довольно высоко, и пришлось подставить стул. Не снимая пряника с ветки, мальчик откусил угол и тотчас его выплюнул: до того отвратительным оказался и этот пряник. Но трудно было примириться с мыслью, что все остальные пряники никуда не годятся.

Много-много лет спустя Павлику пришлось неоднократно сталкиваться в жизни с грустным явлением, когда внешняя красота формы не соответствовала убожеству содержания. Он даже привык к этому. Но тогда это показалось ему немислимым. Невинное, чистое сердце ребенка требовало невозможной гармонии. Павлик решил перепробовать все пряники, сколько их ни висело на елке. И он принялся за дело. Высунув набок язык, кряхтя и сопя, мальчик перетащивал тяжелый стул вокруг елки, взбирался на него, не снимая надкусывал пряник, убеждался, что дрянь, слезал и тащил стул дальше. Вскоре все пряники оказались перепробованными, кроме двух: под самым потолком, куда невозможно было добраться. Павлик долго стоял в раздумье, подняв голову к заманчивым пряникам. Они манили его своей недостижимой и потому столь желанной красотой. Мальчик не сомневался, что уж эти-то пряники его не обманут. Он уже подумывал, как бы поставить стул на стол и оттуда попытаться достать их. Но в это время послышался свежий шелест праздничного платья, и тетя, сияя улыбкой, вбежала в гостиную.

— А-а! Наш рожденик встал раньше всех! Что ты здесь делаешь?

— Любуюсь елкой,—скромно ответил Павлик, глядя на тетю доверчивыми, правдивыми глазами благовоспитанного ребенка.

— Ах ты моя рыбка ненаглядная! Ну, поздравляю, поздравляю...

И мальчик очутился в горячих и нежных объятиях тети. А уже из кухни торопилась красная от конфуза Дуня, держа перед собой хрупкую голубую чашку с золотой надписью «С днем рождения».

Так начался этот веселый день, которому суждено было закончиться неожиданным и страшным образом.

Вечером к Павлику пришли гости: мальчики и девочки. Но все они были такие маленькые, что Петя, старший брат Павлика, считал ниже своего достоинства не то что с ними играть, но даже разговаривать. Чувствуя на сердце необъяснимую тоску и тяжесть, мальчик сидел в темной детской на подоконнике и смотрел в нарядно замерзшее окно, где среди ледяных папоротников мерцал золотой орех уличного фонаря. Зловещие предчувствия омрачали петину душу. А из гостиной струился жаркий, трескучий свет елки, пылающей костром свечей и золотого дождя. Слышались подмывающие звуки фортепьяно. Это отец, расправив фалды и гремя крахмальными манжетами, наяривал семинарскую польку, под которую бестолково топало множество крепких детских ножек.

— Ничего, терпи казак,—сказала тетя, проходя через детскую и заметив печальную фигуру Пети.— Не завидуй. И на твоей улице будет праздник.

— Ах, тетя, вы совсем ничего не понимаете!—жалобно сказал мальчик.— Идите себе.

Но вот наступил, наконец, желанный миг раздачи с елки орехов и пряников. Дети обступили елку и, став на цыпочки, потянулись к пряникам, сияющим, как ордена. Елка закачалась. И вдруг раздался звонкий, испуганный детский голо-сок:

— Ой, смотрите, у меня надкусанный пряник!

— Ой, и у меня!
— У меня два, и все об'еденные...
— Э! — сказал кто-то разочарованно. — Они вовсе уж не такие новые... Их уже один раз кушали.

Тетя стояла красная до корней волос среди постыдно надкусанных пряников, протянутых к ней со всех сторон. Наконец, ее глаза остановились на Павлике.

— Это ты сделал, скверный мальчишка?

— Я их только чуть-чуть надпробовал, — сказал Павлик, невинно глядя на разгневанную тетю широко открытыми янтарными глазами. И прибавил со вздохом: — Я думал, что они вкусные, а они, оказывается, только для гостей.

— Замолчишь ли ты, сорванец! — закричала тетя, и всплеснув руками, бросилась к буфету, где, к счастью, оставалось еще много пряников. Так что все обиженные тотчас были удовлетворены и скандал удалось замять. Скоро сонных гостей стали уводить по домам. Праздник кончился. Павлик занялся приведением своих сокровищ в порядок. В это время в дверях детской таинственно появилась Дуня и поманила Петю.

— Паныч, вас на черной лестнице дожидается той скаженный Гаврик, — прошептала она, оглядываясь. Петя бросился на кухню. Гаврик сидел на высоком подоконнике черного хода, прислонившись плечом к ледяному окну, игравшему синими искрами месяца. Из башлыка блестели маленькие злые глаза. Мальчик тяжело сопел. В первый миг Петя подумал, что Гаврик пришел за долгом. Он уже приготовился рассказать ему о несчастье, постигшем их, с дедушкиными пуговицами и дать честное, благородное слово, что не позже как через два дня он расквитается. Но Гаврик горлопливо вытащил из-за пазухи ватной кофты четыре хорошо знакомых мешочка и сунул их Пете.

— Сховай — и будем в расчете, — тихо и твердо сказал он. — От Иосифа Карловича остаток, царство небесное.

При этих словах Гаврик истово перекрестился.

— Сховай и держи, пока не пригодятся.

— Сховаю, — шопотом ответил Петя.

Гаврик долго молчал. Наконец, резко вытер кулачком под носом и сполз с подоконника.

— Ну, Петька... Будь здоров.

НАКЛАДНЫЕ РАСХОДЫ

Рис. Л. Генча

— Ты что же говорил, что у тебя в диктанте 17 ошибок, а теперь оказывается 29.

— А это после учительской правки.

— А те ушли тогда?

— Ушли. По крышам. Теперь их повсюду ищут.

Гаврик задумался, не сказал ли чего-нибудь лишнего, но потом доверчиво приблизился к самому петиному уху и прошептал:

— Уй, сколько народа похватали! Но их не споймают, я тебе говорю: они в катакомбах отсиживаются, все ихние боевики тама. Весной опять начнут. А Терентия жену с маленькими детьми — с Женичкой и с Мотькой — хоряки дома с квартиры выселяет. Такое дело. Да.

Гаврик озабоченно почесал брови:

— Не знаю теперь, что мне с ними делать. Наверное, придется всем вместе переезжать в дедушкину хибарку. Да. А дедушка, между прочим, совсем никуда стал. Наверное, скоро помрет. Ты до нас когда-нибудь, Петька, все-таки заскочи. Только пережди время. Главное, мешочки хорошенько сховай. Ничего. Ты не плачь, Маруся, будешь ты моя. Дай пять.

Гаврик сунул Пете руку дощечкой и побежал, дробно стуча своими разбитыми чоботами по лестнице.

Петя вернулся в детскую и спрятал мешочки в ранец, под книги. Но тут, вдруг, с невероятным стуком распахнулась дверь и в комнату быстро вошел отец, держа в руках изуродованный вицмундир.

— Что это значит? — спросил он таким тихим голосом, что мальчик чуть не потерял сознание.

— Святой истинный крест... — пробормотал Петя, не находя в себе силы перекреститься.

— Что это значит! — заорал отец и затрясся, багровея.

И в ту же секунду, как бы откликаясь на тневный голос отца, из гостиной раздался душу раздражающий рев Павлика. Маленький мальчик вбежал, шатаясь на ослабевших от ужаса ножках, и обнял отца за колени. Его четырехугольный ротик был так широко разинут, что совершенно ясно виднелось орудие горло и дрожал крошечный язычок. Текли слезы и сопли. В пухлой ручке прыгала открытая копилка, полная вместо денег всякой гремячей дряни.

— Па... Па... п... па, — икая лепетал Павлик. — Пе... еть... ка... меня... обо... ик!.. обо... крал!

— Честное благород... — начал Петя, но отец уже крепко держал его за плечи.

— Негодный мальчишка, сорванец! — кричал он. — Я знаю все! Ты играешь в... в... в азартные игры! Лгунишка! — Он с такой яростью стал трясти Петю, точно хотел вытрясти из мальчика душу. Нижняя челюсть его прыгала и прыгала на черном шнурке пенсне, соскользнувшее с вспотевшего носа, пористого как пробка.

— Сию же минуточку давай сюда эти, как они там у вас называются, чушки или душки...

— Ушки, — криво улыбнувшись пролепетал Петя, надеясь как-нибудь обернуть дело в шутку.

Но, услышав это слово «ушки» из уст сына, отец вскипел еще пуще:

— Ушки! Отлично... Где они? Сию же минуточку давай их сюда! Где эта уличная мерзость? Где эти микробы? В огонь! В плиту! Чтob духу их не было!

Он стремительно осмотрел комнату и бросился к ранду. Петя, рыдая, бежал за отцом по коридору до самой кухни, куда отец широкими нервными шагами, быстро и брезгливо, как дохлых крыс, нес мешочки.

— Папочка, ради бога! — кричал Петя, хватая его за локти. — Папочка, умоляю тебя!..

Отец грубо оттолкнул Петю, затем, оттолкнул кастрюлю и, яростно шелкая манжетами, сунул мешочки в пылающую плиту. Мальчик замер от ужаса.

— Тикайте! — закричал он не своим голосом.

Но в этот миг в плите застреляло. Раздался небольшой взрыв. Из конфорки рванулось разноцветное пламя. Лапша полетела вверх из кастрюли и шлепнула в потолок. Плита треснула. Из трещины повалил едкий дым, в одну минуту наполнивший кухню. Когда плиту залили водой и выгребли золу, в ней нашли кучу обгоревших револьверных патронов. Но ничего этого Петя уже не видел. Он был без сознания. Его уложили в постель. Он весь горел. Поставили термометр. Оказалось тридцать девять и семь десятых. У мальчика начиналась скарлатина.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ СИРЕНЬ

В прошлом году поступил товарищ Савченко на фабрику Мосфильм, на оружейный склад. Имеется там такое подсобное предприятие. Когда в какой-нибудь картине Мосфильма по ходу действия шпарт из винтовок, то это те самые винтовки, которые хранятся на том самом оружейном складе, где Савченко был мастером и даже замзамом.

Надо сказать, Фома Семенович с благоговением переступал порог Мосфильма. «Вот,—думал он,—храм высокого искусства, в котором я удостоился чести работать. Режиссеры! Артисты! Авторы! Соавторы!»

Потом огляделся и видит: все гораздо проще, будничнее, и самые прозаические непорядки бьют в глаза из отдельных пор большого производства. Оружейный мастер стал помаленьку выступать на рабочих собраниях.

— Разрешите, — деликатно говорил он, — в порядке самокритики указать на конкретные недостатки...

Ему любезно разрешали.

— Разрешите отметить недочеты отдельных работников...

И ему опять же предоставляли слово, согласно регламенту.

Однажды мастер Савченко принимал из реквизиторного цеха винтовки, которые сдавались на хранение в оружейный склад. Он осмотрел оружие и побледнел: винтовки были заряжены боевыми патронами. Преступная небрежность работников реквизиторного цеха, небрежность, которая могла повлечь за собой трагические последствия во время с'емки...

Савченко доложил об этом начальнику технического отдела фабрики, и через несколько дней заведующая реквизиторным цехом Чернышева получила выговор.

— Правильно, — сказал, узнав об этом, оружейный мастер. — Очень хорошо. Я же с самого начала почувствовал: на фабрике Мосфильм самокритику очень уважают.

И в этот самый момент он заметил на полу кем-то брошенную и забытую бутфорскую веточку сирени. Мастер любил цветы, в том числе искусственные. Он поднял смятый цветок, бережно смахнул с него пыль и повесил на стене оружейного склада, возле своего стола.

И цветок нежно голубел над головой мастера, а мастер чистил оружие и напевал приятным тенором старый и довольно пошлый романс:

«Под душистою веточкой сирени
Оживаю я сердцем опять.
Грезы прежние снова лелею
И хочу и любить и страдать...»

Как обстояли дела с любовью мастера, — это неизвестно, а вот страдать ему, действительно, пришлось — и очень скоро.

В один прекрасный день на склад за-

КИНО ПРЫГАЕТ С НЕБА

Будем считать это чисто деловым прыжком, поэтому и расскажем о нем деловым же языком, лишенным прикрас и буйных отступлений.

Седьмого марта 1936 года над колхозом им. тов. Ворошилова (деревня Игнатовка, Звенигородского района) появился самолет «Крокодил».

Колхозники с любопытством наблюдали снизу, что будет дальше делать этот ныряющий в облаках красный дикий зверь.

Порев в высоту, «Крокодил» опустился немного ниже, и с крыла его прыгнул вниз парашютист Алексей Федосеевич Бутков.

В этот день были, так сказать, авиоименины Буткова. Это был его сотый прыжок.

И прыжок этот был несколько необычного характера.

Когда Алексей Федосеевич опустился на землю, игнатовские колхозники увидели, что на нем какая-то странная нагрузка.

Да и первый вопрос парашютиста, только что прилетевшего с дикий зверь аппарата, был несколько необычен:

— А где у вас тут клуб, товарищи?

— А вам зачем клуб?

— Картину показывать буду. Сейчас музыка прилетит.

Маленькое пятнышко, оторвавшееся в воздухе от

«Крокодила», развернуло парашют, и на землю опустился парашютист тов. Козлов с более легкой нагрузкой — гармонью.

Алексей Федосеевич стал деловито перечислять характер своей нагрузки:

— Вот это у меня киноплёнка, — показал он на один из привьюченных к себе мешков, — вот это киноаппарат, это складной экран, а на голове — лам-

почка для аппарата. Идем в клуб, товарищи.

Через полчаса мастер парашютного дела быстро превратился в киномеханика и техническо-административный персонал: установил аппарат, наладил его электропитание, укрепил экран и объявил собравшимся:

— Сегодня демонстрируется полнометражная кинокартина «Герои Арктики», под аккомпанемент парашютиста-баяниста тов. Козлова.

Сеанс — как это пишется в газетах — прошел с большим успехом. Почувствовав его и установив, что прыжок принес свой культурный результат, воздушное кино вместе с авиооркестром, нагрузившись всем инвентарем, уехало из Игнатовки обратно домой, в Москву.

Этот случай из хроники приятных происшествий мы и передаем языком деловой информации, полагая, что нам не подобает пользоваться другим при рассказах о самолете «Крокодил». Попутно сообщаем, что в следующий свой рейс «Крокодил» опустится в... предварительно сбросив парашютиста товарища... который захватит с собой...

Впрочем, не будем выдавать своих секретов.

Когда это будет надо, читатели раскроют их сами на месте.

вернула тов. Чернышева, та самая заведующая реквизиторным цехом, которую мастер Савченко «подвел» под выговор. Она взглянула сперва на мастера, затем — на стену, возле его стола, и глаза ее радостно заблестели.

— Это что? — спросила она, указывая пальцем.

— Цветок, — спокойно ответил мастер.

— Цветок? Нет, голубчик, это не цветок, а уголовное дело!

И, сияя радостью, заведующая помчалась к вышестоящему начальству.

...Через два дня РКК фабрики Мосфильм разбирала дело оружейного мастера Савченко, уволенного «за укрывательство кражи цветка из реквизита».

— Помилуйте, — говорил уволенный. — Какое же тут укрывательство? Пятнадцать дней цветок открыто висел на самом видном месте! И какая же тут кража? Ведь пустяк, чепуховая веточка, поднятая с пола!

— Знаем, знаем! — отмахивались судьи из РКК. — Сегодня один веточку сирени утащит, а помилуй его, — он завтра австралийский баобаб из реквизита соплет! Нечего! Пишите, секретарь: «Признать увольнение правильным».

Так и уволили.

Вот какие события происходят иногда из-за мелочей. Выступал человек на собраниях, непорядки критиковал, людей критиковал, и ничего ему не делалось. А тут на веточке сирени поскользнулся.

Правда, веточка оказалась очень ценной. После приговора народного суда, который восстановил мастера Савченко на работе и предложил уплатить ему 200 рублей за вынужденный месячный прогул, стоимость этой сиреневой ветки составляет уже 202 рубля 50 копеек.

Вот видите?

А вы говорите — пустяк, чепуховая вещь, поднятая с пола...

М. ШТИХ

В выходной день Леночка Найденова пришла в гости к своему отцу, выпила чай с вареньем и, пристально глядя на Николая Петровича строгими черными глазами, стала рассказывать новости, приключившиеся за пятидневку.

По арифметике заработала «уд». Я, брат, все правильно решила, это только у меня трижды восемь нечаянно вышло двадцать восемь. А Марь Пална, конечно, придралась. У Люси Куличковой папа орден получил. Люська теперь задается ужас как. А у самой «неуд» по географии. Мама мне купила новый берет—красный, помнишь, как у балериновой Нинки из шестого номера... Она, брат, тебя часто вспоминает.

— Кто вспоминает? Балериновая Нинка?

— Не балериновая Нинка, а мама.

Черные, как у дочери, улыбающиеся глаза Николая Петровича сразу становятся узкими, холодными, настороженными.

— Как же она вспоминает? Ругает, поди? Учит тебя всякие гадости про отца говорить?

Леночка краснеет и сердится:

— Ничего она тебя не ругает. Она, брат, тебя жалеет.

— Ты ей передай, что я в ее жалости не нуждаюсь.

— Хорошо, передам. Мама говорит, что ты без заботливой женской руки пропадешь. Э-эх, трудно мне с вами.

Вдохнув, Леночка кладет на скатерть недооденное пирожное, встает из-за стола и подходит к окну. За окном мертво чернеет непрочный мартовский снег. Задиристо и звонко дребезжат пролетающие мимо трамваи. Весна!..

Николай Петрович долго глядит на стриженный леночкин затылок, на ее тоненькие ножки в коричневых чулках, на стоптанные каблуки ботинок. Потом глухо говорит:

— Ты, Лена, еще маленькая. Вырастешь—все, брат, поймаешь.

Леночка оборачивается и смеется ненатуральным, наигранным смехом.

— Нашел маленькую, за десять перевалило. Я, брат, все прекрасно понимаю. Я невиновата, что вы оба такие нервные и ревнивые. Я вас не рожала.

Рот у Леночки начинает кривиться. Николай Петрович испуганно целует дочь в смуглую матовую щеку.

— Ленка... милая... не надо так говорить. Экая ты, право.

— Ты, брат, не экай. Меня вон девочки в классе прорабаывают за то, что я вас до сих пор помирить не могу. Если хочешь знать, так меня из-за тебя даже к комсоргу вызывали.

— К комсоргу? Из-за меня?

— Ну да, из-за тебя. Она спрашивала, в каких условиях теперь живу, чего мне не хватает. Я сказала, что условия хорошие, только, конечно, тебя не хватает... Если хочешь знать, так это я из-за тебя по арифметике загремела. Решаю задачу, а сама про тебя думаю: «Пропадет он,—думаю я,—без заботливой женской руки». Раньше, брат, у меня по арифметике всегда «хоры» были.

Наступает молчание. Николай Петрович курит, разглядывая знакомый до одури потолок, на котором трещины и подтеки образовали нечто, напоминающее карту Африки. Леночка сидит нахохлившись на диване.

— Не убрано у тебя,—говорит она, морщась,—и сам ты какой-то запущенный, папа. Давай я тебе хоть пуговицу к пиджаку пришью.

— У меня все пуговицы на месте, Леночка.

— А на сером?

— И на сером все целы.

— А на жилетке?

— И на жилетке целы. Хотя... обожди. На жилетке одной нехватает. Это ты здорово, Елена, увидела. Прямо через пиджак.

— Уж будь спокоен. От меня ничего не укроется.

Чтобы доставить Леночке удовольствие, Николай Петрович незаметно обрывает на жилетке одну пуговицу. Затем снимает пиджак и жилет.

Вооружившись иголкой, Лена долго пришивает свежоторванную пуговицу и при этом страшно сопит от усердия.

— Ну вот. Носи, брат, на здоровье.

Николай Петрович надевает жилет. Выясняется, что леночкина пуговица пришита совсем не там, где ей природой предназначено сидеть. Но Николай Петрович поспешно застегивает пиджак и преувеличенно восторженно благодарит Леночку за работу.

— Ладно, ладно,—отстраняет его Леночка и вдруг говорит шепотом:

— Папа, у меня к тебе большая просьба. Пожалуйста, не женись. Лучше я к тебе чаще буду приходить. Ты не стесняйся, сам говори, какие тебе надо пуговицы пришивать. Хорошо? Не женишься?

— Только для тебя, Елена. Не женюсь!..

— Ну, смотри. Мне пора домой, папочка. Ты меня не провожай, я сама.

— Посидела бы еще, Ленушка.

— Посидела, посидела,—ворчит Леночка, застегивая ботики,—ведь ты у меня не один на руках. Мама к писателю печатать пошла, вернется скучная. С ней тоже поговорить нужно. Э-эх, трудно мне с вами. Ну, я пошла. Маме-то что передать?

— Передай, что деньги переведу шестнадцатого.

— Хорошо. До свиданья, папа.

Николай Петрович целует Леночку. У нее снова кривится рот.

— Папа, позвони маме по телефону. Я тебя прошу, папа.

— Оставь, Елена... Она должна мне первая позвонить.

— А если она позвонит, ты с ней помирись?

— Там видно будет.

Леночка уходит. Николай Петрович садится за письменный стол и придвигает к себе чернильный прибор. Но работа у него почему-то не клеится. Спокойный, матовый блеск настольного телефона раздражает Николая Петровича. Почему он молчит, этот проклятый телефон?

Так проходит два часа. Синие сумеречные тени наполняют комнату, и она представляется сидящему за столом каютой затонувшего корабля. Соседка за стеной тихо играет осточертевший вальс Дюрана.

Вдруг неожиданно вспыхивает резкий телефонный звонок. Холодными от волнения пальцами Николай Петрович поднимает трубку.

— Алло?! Кто говорит?

— Это я говорю,—трепещет в трубке далекий леночкин голос,—папа слушай сюда скорей. Мама от писателя пришла веселая-превеселая. Мне кажется, что она за него определенно собирается замуж. Ты бы ей скорей позвонил, папа! Ты же знаешь, что она первая ни за что не позвонит. Ой, она, кажется, идет сюда. Позвони ей, папа.

В комнате Николая Петровича снова становится тихо. Большое вечернее небо важно глядит в окно. Соседка за стеной опять играет Дюрана.

Хмурый человек сидит за письменным столом и пристально смотрит на телефонный аппарат. Почему так трудно бывает иногда снять черную простую трубку?

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ВНИМАНИЮ МАСТЕРОВ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ!

ЖЕРТВА ЗАХВАЛИВАНИЯ

Рис. Л. Сойфертиса

Ныне происходящее обсуждение вопросов о формализме и натурализме побуждает очень многих деятелей изящных искусств на публичные выступления с речами на эти трудные темы. Как всегда, идя навстречу назревшей потребности, даем несколько образцов наиболее целесообразных выступлений о формализме и натурализме для тех, кто пожелал бы уклониться от высказываний по существу вопросов. Советы наши до такой степени дельные, что некоторые товарищи пользовались ими еще до опубликования.

ВЫСТУПЛЕНИЕ № 1

— Товарищи, каждый из нас должен искренно и прямо признаться в тех формалистических и натуралистических вывертах, которые есть у многих из нас. Хотя бы у меня или вот у вас, Давид Петрович. Ну как вы последний раз нарисовали селедку? Совершенно без молока. Ну разве это не формализм? О чем же тут спорить? Я бы на вашем месте вышел бы и прямо заявил бы, что да, я, мол, формалист. Я же, например, честно заявляю, что... вот еще взять хоть вас, Александр Григорьевич. Вы-то ведь уж чистейший формалист: ри-

суете кур на голове у человека. Все знают, а вы молчите. Нехорошо! Берите пример с меня: я прошу стенографистку зафиксировать... да, да, Андрей Димитриевич, вас это тоже касается. Пишите всем подряд зеленые носы и думаете, никто не понимает. Каждый из нас обязан самокритически подходить... и к Владимиру Андреевичу, который вырезает так, что у него все висит в воздухе: и лошадь, и стол, и ваза. Пусть все выступят так же прямолинейно и не щадя себя, как я, и тогда наша дискуссия даст плоды.

ВЫСТУПЛЕНИЕ № 2

— Товарищи, я считаю, что вопросы о формализме и натурализме подняты вполне своевременно и кстати. Я не могу припомнить, чтобы за последние 700—800 лет с такой принципиальностью ставились эти проблемы. А за это время накопилось столько материала, что пора, пора уже поговорить. Возьмем хотя бы того же Бальзака. Надо прямо сказать: этот писатель в некоторых вещах просто распоясался в смысле формалистических вывертов. Например вот это место: «Бич Ювенала, потрясаемый официальными руками оценщика, раздражает ошипанные муфты, потертые меха затравленных девушек». Что автор хотел этим сказать? На девятнадцатом году рево-

люции, товарищи, это не может пройти. Идем дальше. Вот перед нами Лев Толстой. От него-то мы, кажется, вправе чего-то требовать? А что же пишет этот автор? Позвольте привести цитату: «Вслед за ним, в бисерном ошейнике, побрякивая железкой, весело выбежала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась с псарными собаками: с одними поиграет, с другими понюхается и порычит, а у некоторых поищет блох». Не угодно ли? «Понюхается» и «поищет блох». Не знаю, как вы, а меня воротит от подобного натурализма. Товарищи, я мог бы умножить примеры, сослаться на Сервантеса, Гомера, Хемингуэя, Диккенса, но и сказанного довольно. Я кончил, товарищи.

ВЫСТУПЛЕНИЕ № 3

— Если, кому-нибудь из вас, товарищи, придет в голову бросить мне упрек в

том, что вот я в своих фильмах допускал формализм, а я вижу вон там, в третьем

СОЛОВЕЙ: — Скажите, мамаша, почему этот воробей третьи сутки около нас хрипит?

— А его критики соловьем объявили — вот он и мается.

ряду, Лев Владимирович как-то ехидно улыбается, да и Всеволод Илларионович что-то отвернулся не к добру... Так вот прежде чем бросать мне упреки, я прошу вас выслушать меня, как оценил мой фильм такой орган печати, как журнал «Хлебопечение и баранкопечение». В номере от 10 сентября 1929 года прямо так и сказано: «Фильм» «Щучьи вздохи» в постановке режиссера Хлапина ни на секунду не слезает с уровня». Так и написано: «не слезает». НЕ. Но это не все. В 31-ом году стенная газета мастерской № 7 по ремонту мотоциклов, примусов... ну, знаете, всего... да, так в ней прямо было вывешено: «На большой палец.

Вчера ходили мы в кино и поржали, что надо». Так и написано: «что надо». Кроме того тут недавно я получил одно письмо, почерк, правда, неразборчивый. Но вот, видите: на конверте — марка, два штемпеля, все, что полагается, в письме говорится: «Здорово вы ставите эти картины, выходите сегодня до памятника Тимирязева, я буду в берете на одно ухо с зубной щеткой в руке...» Письмо это передаю в президиум: пусть проверят. Так вот, товарищи, если вам приспичит бросать мне упреки, то вы прежде взвесьте... Вы это взвесьте, Григорий Васильевич, а потом уже можете коситься на меня.

В. АРДОВ

ПРОРОК СВОЕЙ СУДЬБЫ

Слезами тут не поможешь. Надо мужественно переносить тяжелые удары судьбы.

Ольга Владимировна несколько раз перечитала только что полученное письмо. Так неожиданно в ее жизнь ворвалась беда. Что делать? Главное, не падать духом. Она возьмет себя в руки. Она будет бороться.

Но что же такое случилось с Васей? Неужели в его прошлом оказалось какое-то темное пятно? Неужели он все время так ловко скрывал от всех и даже от нее?

Иль, может быть, он натворил что-нибудь в последнее время? Не верится. Нет, она этому не может поверить! Вася — хороший, честный, искренний... Нет, не может быть! Его оклеветали. Ошибка! Недоразумение! Все выяснится. Все уладится. Бедный Вася!

Ольга Владимировна ходит по комнате и взволнованно обдумывает создавшееся положение.

Дело в том, что ее муж, Василий Васильевич Калашников, помощник секретаря Чернянского райкома партии, наконец-то, после долгого молчания, написал ей.

Теперь все понятно. Теперь она понимает, почему он долго не отвечал на ее письма.

Она уже думала, что он такой, как многие другие. Уехал в другой город на работу. Сошелся с другой. А ее, Олю, и маленькую дочурку Люсю забыл. Разве это похоже на Васю?

Оказывается, с ним стряслось несчастье.

Ольга Владимировна в который уже раз снова взволнованно перечитывает дорогое письмо:

«Здравствуй, Оля и Люсенка!

Ты, наверное, меня крепко ругаешь и клянешь на чем свет стоит. Поверь, сложились такие обстоятельства, хоть стреляйся. Меня исключили из партии, один месяц сидел в тюрьме. Словом, дошел до ручки. Не знаю сейчас, что делать. Мотаюсь так себе, без копейки денег.

Хлопочу сейчас насчет восстановления, но, думаю, напрасно.

Если я ничего не успею, то поеду в Харьков. Есть знакомые ребята. Говорят, что устроят там работать. По дороге заеду к тебе, в Белгород. Там тоже есть знакомые ребята, может быть, устроят.

Если же нет, то предлагают поехать на далекий север, там можно устроиться.

Я как устроюсь, то тебе деньги вышлю. Мне очень плохо, что я не могу помочь тебе содержать Люсю. Когда она будет взрослая, то пальцем будет показывать, что отец отказался, что его у нас нет и что он не помогал.

Поэтому, Оля, ты перебежся как-нибудь сама. Я как только устроюсь, сообщу тебе адрес и вышлю денег.

Я сейчас весь обносился, у меня ничего нет... Ну, Оля, ты прости меня. Как устроюсь — помогу...»

На этом письмо обрывается. Вероятно, слезы душили Калашникова, когда он писал эти строки. Он вспоминал ее, Олю, маленькую Люсю — одиноких, заброшенных...

Бедный Вася!

Как он там мучается. «Мне очень больно, что я не могу помочь тебе содержать Люсю...» Сколько еще в нем нежности! «Поэтому, Оля, ты перебежся как-нибудь сама...» Пусть не волнуется, не тревожится, милый Вася. Она все сделает.

Разве такой человек может быть в чем-нибудь виноват? Ошибка! Клевета! Она это докажет.

Ольга Владимировна шлет письмо в Курск, в обком партии. Она умоляет пересмотреть дело Василия Калашникова. Он честный человек! Светлая личность! Она это хорошо знает.

Не будем описывать тех волнений, с которыми Ольга Владимировна ожидала ответа. Это и так каждому понятно.

Наконец, ответ получен. Всего несколько строчек.

Василия Васильевича Калашникова из партии не исключали. С работы не снимали. Он продолжает как и прежде работать там, где работал. Жив-здоров и чувствует себя не плохо... Вот и все.

Читатель, надо полагать, успел уже догадаться, зачем наш герой оклеветал себя. Соображения чисто финансового порядка: «Поэтому, Оля, ты перебежся как-нибудь сама...»

Но, может быть, этот хитрый парень и не думал клеветать на себя? Может быть, его трогательное послание жене и дочери вылилось у него в такую сокровенную минуту, когда человек на мгновение становится пророком своей судьбы?

Г. РЫКЛИН

ОСЛЫ-ИЗБИРАТЕЛИ

Злободневное, хотя уже давно изданное и переведенное на русский язык, стихотворение Генриха Гейне, посвященное, повидимому, нынешним выборам в германский рейхстаг.

...Они к избирательной урне дошлись.
Трактуя, шумя бесшабашно;
Интриги коварные пущены в ход,
Дух партий свирепствовал страшно.

Собраньем ослов управлял комитет
Из старцев; они отличались
Все тем, что кокарды трех наших цветов
На их головах красовались.

Хотя небольшая, но партия там
Была и старшин лошадиных;
Но голос не смела она подавать,
Боясь диких криков ослиных.

Когда же какой-то осел предложил —
О, ужас! — коня в кандидаты,
Один вислоухий его перебил:
«Изменник! Название осла ты

Срамишь: нет ослиной кровинки в тебе...
Готов об заклад я побиться,
Что ты не осел, что тебя родила
Французской земли кобылица.

Иль ты приходишь от зебры, готов
Я это поддерживать мнение;
Затем по гнусливому голосу ты
Еврейского происхождения.

Но если все это неправда: осел
Ты только сухой и холодный,
И чужды тебе глубь ослиной души.
Ее мистицизм благородный.

А мне эти чувства ослиные, мне
Всего они в мире дороже;
Осел я, и каждый мой волос в хвосте —
Осел совершеннейший тоже.

Не римлянин я, не из рода славян,
Немецкий осел я природный,
Как предки мои — очень умный народ,
Устойчивый и благородный.

Их жизнь протекала вдали от всего,
 Что дерако, порочно, заторно;
 Они ежедневно таскали мешки
 На мельницу бодро, покорно.

Но предки не умерли. Кости лишь их
 Зарыты в лесу иль в долине,
 Но сами они улыбаясь глядят
 На нас с высоты и донны.

О предки-ослы! Мы на вас походить
 Желает во всем, без сомненья,
 С тропинки ослиного долга боясь
 Сойти на стезю заблужденья.

Какое блаженство родиться ослом,
 Таких вислоухих быть внуком!..

Кричать я готов со всех крыш: «Я осел!» —
 И волю дать радостным звукам.

Отец мой был рослый немецкий осел,
 Каких нынче встретите мало;
 Немецким ослиным одним молоком
 Меня моя мамка питала.

Я кровный осел и отцам подражать
 Желает во всем и повсюду;
 Ослячество мило и дорого мне,
 Ему изменять я не буду.

И так как осел я, то вам мой совет:
 Среди вислоухих героев
 Осла непременно избрать в короли,
 Ослиное царство устроив.

Мы все поголовно ослы! Лошадям
 Нигде не дадим мы прохода...
 Да здравствует многие годы, ура,
 Король из ослиного рода!..»

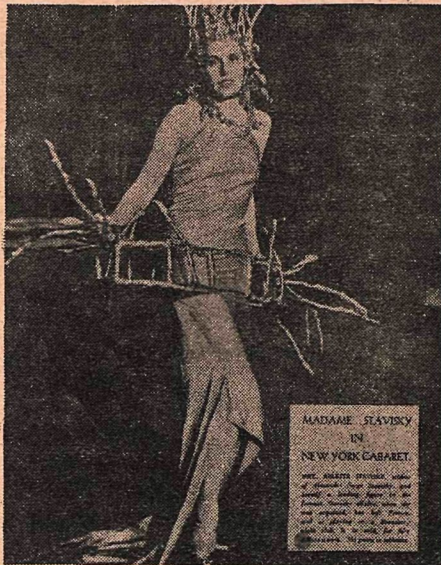
Витийствовал так патриот, и кругом
 Пошел одобрения ропот;
 Копыт не жалели ослы, и слился
 С их ревом ослиный их топот.

Увенчанный свежим дубовым венком,
 Оратор безмолвно, серьезно
 Кивал в благодарность седой головой,
 Махая хвостом грациозно.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

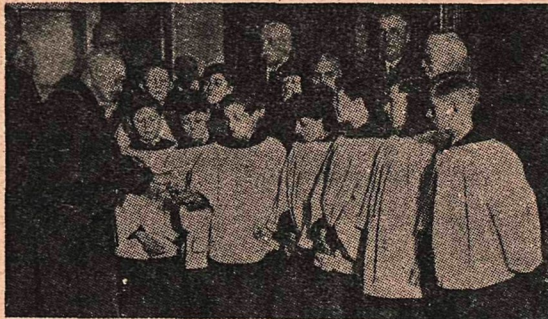
НА СУШЕ И НА МОРЕ

КОНВЕЙЕР УСПЕХА

Образцовый пример, как без большого сценического стажа можно быстро сделаться театральной звездой в Америке. Арлетта Ставиская, жена героя недавнего судебного процесса—немедленно после оправдательного приговора в суде, законтрактанная американскими импрессарио и сейчас считающаяся самым дорогим номером в варьете. Для того чтобы солидные американские зрители знали, за что они отсчитывают высокую входную плату, на афишах крупными буквами значится: «Спешите посмотреть на лучший номер программы—жену авантюриста Ставиского, выступающую только у нас!»

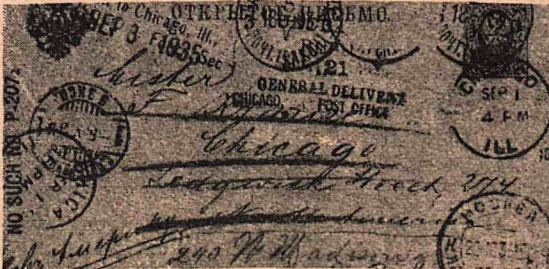
ФОТОПОЭМА

Эпизод из быта счастливого детства в центре Лондона. Мистер Давид Хейдон, председатель религиозного общества птицеводов, оплачивает разменной монетой группу сирот, только-что возблагодаривших хором господ бога за создание певчих, диких и с'едобных птиц для стола и удовольствия.

МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ

Уникум, помещаемый нами исключительно для утешения Наркомсвязи: открытка, отправленная 5 мая 1893 года из г. Нарвы в Чикаго и пролежавшая там на почте 43 года, пока 29 ноября 1935 г. она не вернулась обратно в СССР «за ненахождением адресата». Полагаем, что после этого происшествия некоторые работники Наркомсвязи могут с гордостью сказать: работаем американскими темпами.

ДВОЙНАЯ НАГРУЗКА

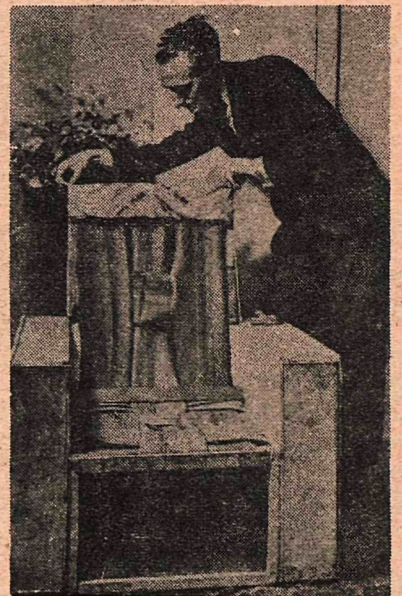
Новый герой последних кинокартин лондонского производства—сен-бернар, выступающий перед аппаратом в халате модного покроя. Выполняет двойную идеологическую нагрузку: дает тип героя, вполне довольного сегодняшним днем, и рекламирует модное ателье, снабжающее его халатом.

„ПРОФИССИОНАЛЫ“ БЕЗГРАМОТНОСТИ

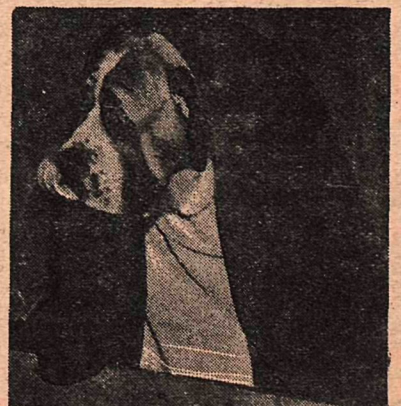

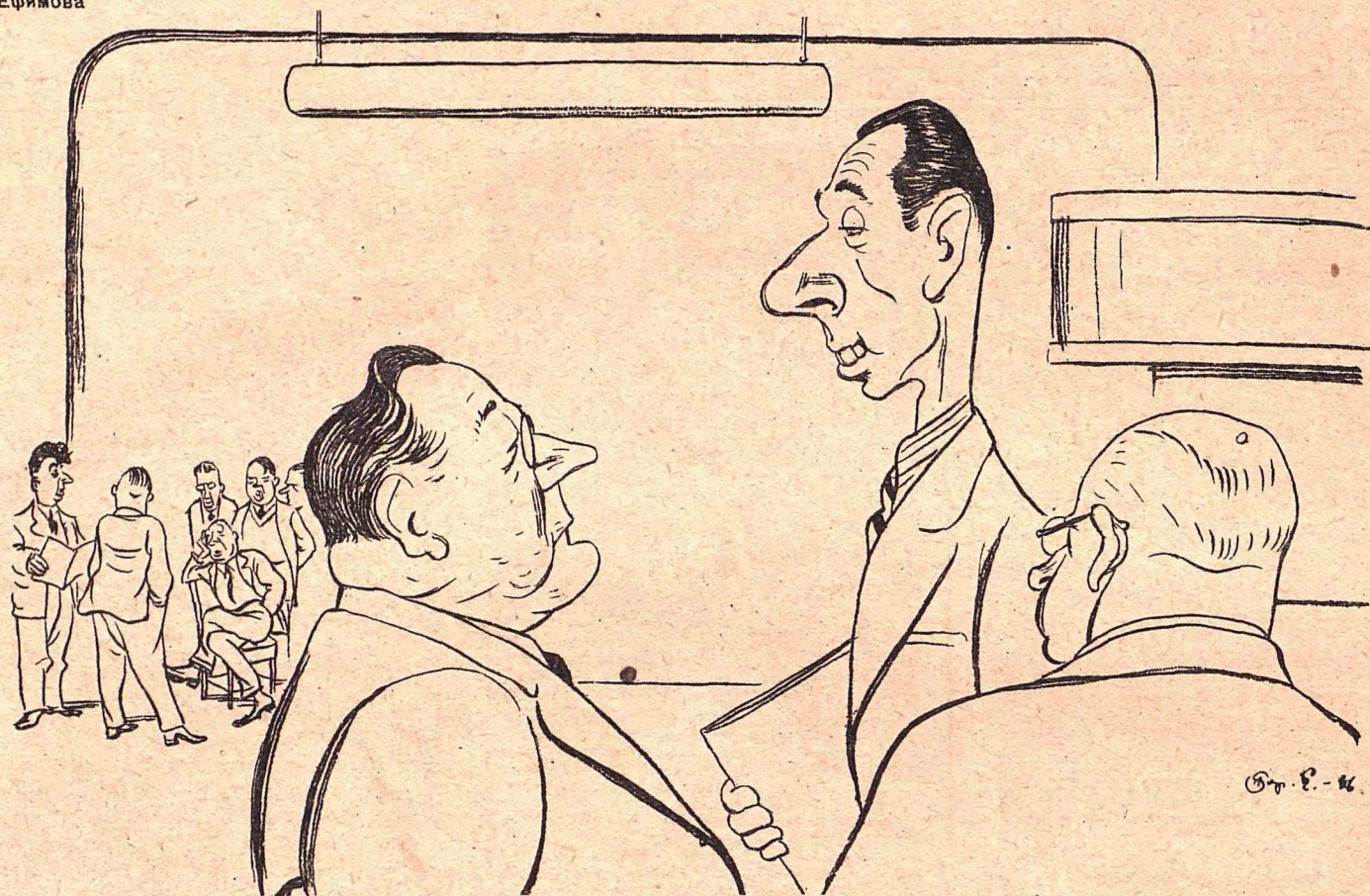
Эта доска висит в Москве, на улице Красина, на стене дома № 12. Здесь золотом на мраморе расписались профсоюзные грамотен в своем неумении правильно написать даже слово «профессиональное», о чем и сообщаем с глубоким прискорбием.

МЕБЕЛЬ ДЛЯ МАСС

Мистер Клод Эткинсон, рекламируемый лондонским журналом «Скэтч» как гений мебельного искусства, разрешивший проблему украшения небогатых квартир прочной, изящной и недорогой мебелью. Эткинсон изобрел кресло, ценю в 10 пенсов, из резиновых трубок, ящиков и различных отбросов. Из вполне понятной деликатности журнал не настаивает на распространении мебели этого типа среди коммерческих и светских кругов, но намекает на ее исключительные удобства и незаменимость для широкого потребителя.

— Люблю пьесы наших драматургов: роли учить не надо — все пьесы одна на другую похожи.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Жила-была красивая девушка. Звали ее Натальей. Была она комсомолкой и стахановкой и работала на большом заводе.

Однажды к ней пришел комсомолец Николай и сказал:

— О дочь эпохи! Я люблю тебя всеми своими фибрами. Позволь мне огласить стихи, которые я написал в твою честь.

— Прочти, Коля, — сказала дочь эпохи, — это очень-очень приятно, когда девушкам посвящают стихи.

Комсомолец Николай откашлялся и бодро начал:

«В твоей красе простоволосой...»

— Почему простоволосой? — обидчиво перебила красивая Наталья. — Я вчера только завивалась у парикмахера. У нас все девчата на заводе носят прически. Это ты сам опростоволосился, Коля.

Смутившись, комсомолец Николай вторично откашлялся и начал сначала:

«В твоей красе простоволосой
Краса долин, краса ветвей.
Ты мне судьба,
Ты отголосок,
Ты ответ родины моей.
Ее дожди, ее метели...»

— Ничего, — задумчиво сказала Наталья, — в особенности про родину. Дальше читай, Коленька.

«Ты запоешь, ворвешься в душу,
Войдешь, поставишь на своем.
То обернешься самым лучшим,
Отборным курским соловьем.»

— Обожди, обожди. Что значит: «отборный курский соловей»? Так только в продуктовых магазинах разговаривают. Отвесьте мне полкило отборных соловьев и двести граммов гусяного паштета.

«То защебечешь пташкой малой,
То славы бурю поведешь,
То подголоском небывалым
Совсем под звездами замрешь.»

— Ой, Коля, это же из Пушкина: «То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя».

«То засмеешься, будто кони...»

— Ты хочешь сказать, что я не смеюсь, а ржу как лошадь? Спасибо вам, Николай Петрович, спасибо!

«То засмеешься, будто кони
Вдруг, застоявшись под крыльцом,
Напомнят о дорожном звоне
Горошинами бубенцов...»

— Ах, вот оно что! Сразу не разберешь. Все равно плохо, Коля. Тяжело. Неуклюже. Хватит с меня. Значит, я, по-твоему, танцую так, что кусты качаются и «по всем садам» яблоки с громом падают? Значит, я мастодонт, по-твоему? Бегемот? Скульптура с выставки?

Комсомолец Николай испуганно молчал. А красивая Наталья гремела:

— Отвечай, почему вы все меня так ужасно уродуете? Скульптор один лепил — до сих пор страшно вспомнить, что он из меня сделал. Такими штуками, вроде его «Девушки с мя-

чом», свои заколачивают. Художник один рисовал — родная мать два часа стояла перед портретом, узнать не могла. Потом узнала — и в обморок. А теперь еще и в стихах обхвалили. Сию же секунду убирайся вон, а то я действительно засмеюсь «будто кони».

— Наталья. Я ведь люблю тебя всеми своими фибрами.

— Если бы любил, не писал бы таких стихов.

Комсомолец Николай, опустив голову, направился было к двери, но вдруг остановился и сказал шопотом:

— Наталья, я тебе должен признаться... Это не мои стихи, Наталья. Это Николая Брауна стихи, ленинградского поэта. Они в «Известиях» были напечатаны, Наталья.

— Гм... А не врешь? Честное слово — не твои? Не похоже что-то на Николая Брауна. Ну, ладно. С Николаем Брауном у меня особый будет разговор — по почте. А ты оставься на этот раз. Но сию же минуту прочти мне что-нибудь настоящее про любовь. Что-нибудь такое нежное и красивое.

«В ней все гармония, все диво,
Все выше мира и страстей.
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей.»

— Да-а... Слова-то какие: «Покоится стыдливо...» Умели же классики писать о женщинах. Сядь ближе, Коля. Вот так. Какие у тебя мягкие, приятные волосы... Читай, читай дальше, Коленька.

М. ДЕНИСОВ

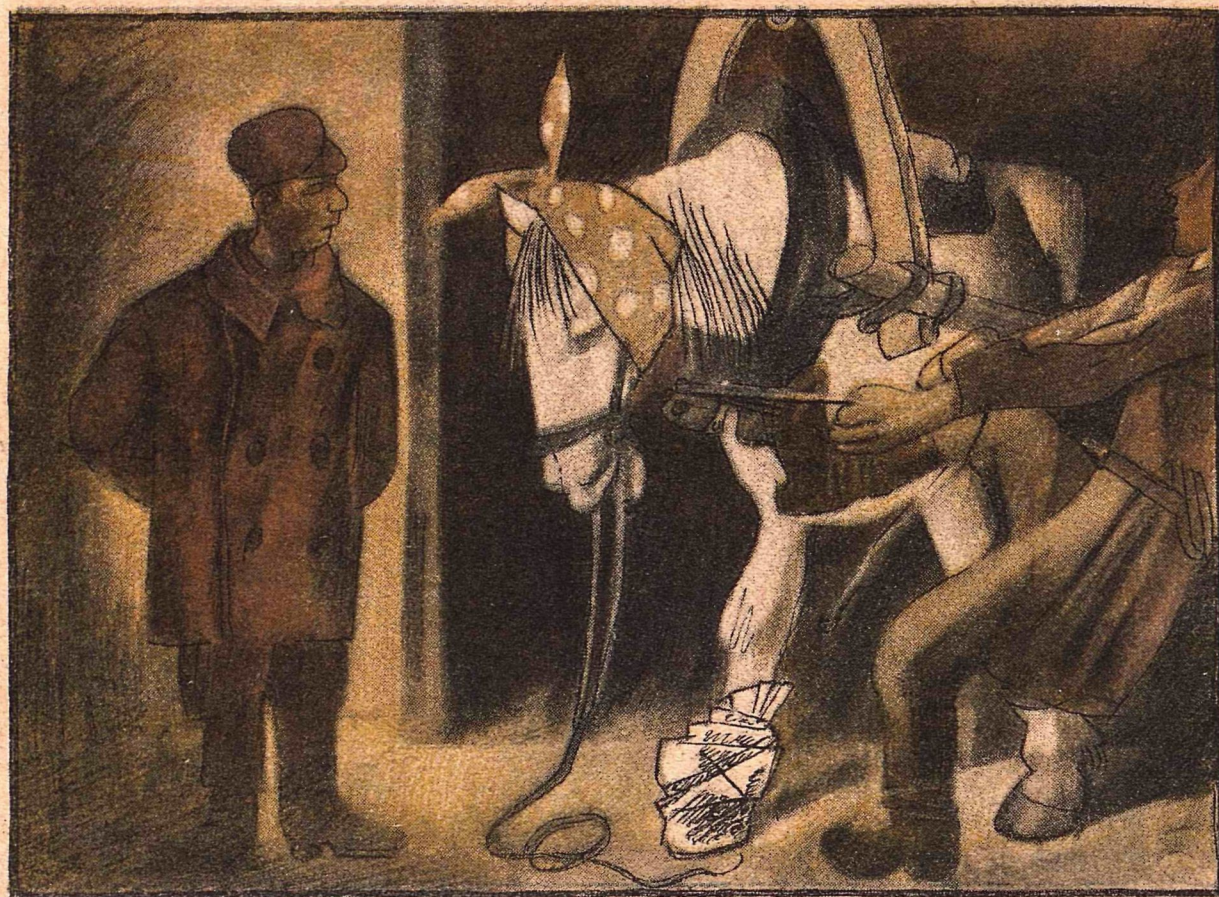
ВЕСЕННИЕ НАСТРОЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Рис М. Храпковского

— Папа, папа, первые цветы!
— К сожалению, последние! Здесь начинают строить концлагерь.

Рис. М. Черемных

— Зачем ты запрягаешь больную лошадь? Ведь она не везет.
— А это для ветеринара, район об'езжать. Пусть заодно и подлечит.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Товарищи знают меня как веселого, в сущности, человека. Но с некоторых пор я стал задумываться и даже впал в легкую и вполне понятную меланхолию. Дело в том, что я решил повисить свою техническую грамотность и с этой целью приобрел книжку «Автомобиль и его эксплуатация», издания Гострансиздата 1935 года, принадлежащую перу шести авторов. Начал я эту книжку читать, проработал ее до 142-й страницы, и вдруг взяло меня сомнение: «А не врут ли, — думаю я, — шесть уважаемых авторов, описывая выключатель зажигания ГАЗ?» Листаю книжку обратно и на обороте титульного листа с ужасом читаю на-

бранное мелким шрифтом извещение от издательства:

«Книга «Автомобиль и его эксплуатация» была написана бригадой авторов до того, как в стране во всех областях нашего хозяйства широко развернулось стахановское движение... Поэтому часть материала книги сейчас устарела.

Так например приведенные в книге нормы расхода горючего (стр. 334) и нормы пробега резины (стр. 335) в настоящее время отменены приказом Цудортранса как устаревшие и заменены новыми.

...Устарели нормы межремонтных пробегов.

...Выключатель зажигания ГАЗ имеет несколько

измененную конструкцию сравнительно с описанной на стр. 142.

...Кроме того имеются следующие неточности и ошибки» (следует длинный перечень).

Прочитал я это извещение и загрустил. Выходит, что у шести авторов шофер все-таки остался без глаза! Не могу же я повышать свою квалификацию по книжке, которая либо пугает и врет либо пропагандирует взгляды «предельщиков» автомобильного транспорта!

Не понимаю я, зачем Гострансиздат выпускает такие книжки. Мы, шоферы, называем подобные произведения халтурой.

Шофер Д. КОЧЕТКОВ

Москва

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Сообщаю тебе о происшествии в Шадринском родильном доме, которое слегка напоминает один из казусов с бравым солдатом Швейком в военном госпитале.

У только что прибывшей больной пропал пакетик с черносливом. Заведующая домом врач Малинина объявила трем заподозренным в краже чернослива сиделкам, что она их всех уволит, если никто из них не сознается в похищении чернослива. Наиболее испуганная из сиделок предложила поставить всем трем клизму, чтобы этим чисто экспериментальным путем выяснить, кто же съел чернослив. Это деловое предложение дебатировалось на общем собрании служащих родильного дома, было одобрено и приведено в исполнение самой Малининой. Сиделка, съевшая чернослив, была обнаружена. Прости, дорогой Крокодил, за сугубо натуралистическое описание происшествия, но ты сам понимаешь, как непростительно было бы скрыть такой необычный подход в расследовании преступления от широкой общественности.

Е. ПОПОВА

Шадринск, Челябин. обл.

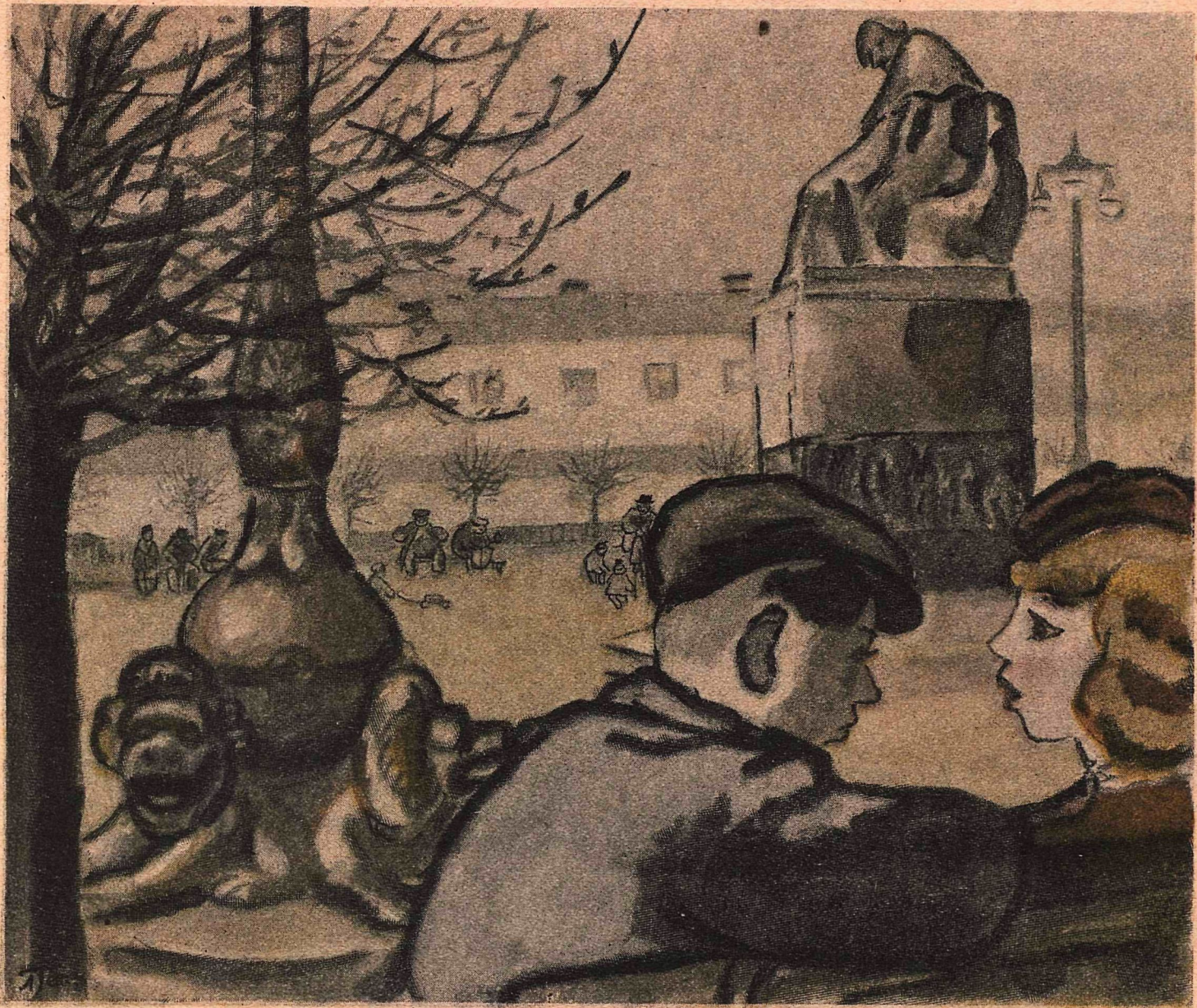
ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Это, конечно не смешно, но я пишу не для смеха. Десять лет мой папаша Михаил Полтавец (из села Прохоровки, Гельмяровского района) находится в бегах и не выслал за это время ни копейки моей матери. Тебя, дорогой Крокодил, читают везде: может кто-нибудь случайно знает, где мой папаша, — пусть известят.

АЛЕКСЕЙ ПОЛТАВЕЦ

Севастополь.

Рис. Л. Генча

— Ну, как у тебя с профсоюзными деньгами? Подвел итоги?
— Куда там. Итоги меня подвели.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

О ДЕВИЦЕ С РЕСНИЦЕЙ

Подслушивать чужие разговоры, конечно, не очень хорошо. Но поскольку разговор опубликован, и даже в стихотворном размере, придется прислушаться.

Местный поэт К. Кремнев в газете «Правда Севера» так описывает встречу колхозницы с ее женихом.

Бойкий жених ставит вопрос ребром:

«Ты скажи, скажи, девица,
Далеко ль колодец здесь?
Ты из глаз твоих напиток
Не побрезгуй мне поднести».

Невеста не менее бойко отвечает:

«Золотистая пшеница
Вся-то мне принадлежит.
Хочешь с глаз моих напиток
Пей, да только не тужи».

Жениху этого мало. Он человек сугубо требовательный и категорически заявляет:

«Нету дна у синя моря,
Синя моря не испить.
Ты возмись-ка мое горе
Под ресницей утопись».

В тон ему отвечает и уже завывавшая девушка.

«Из далекого Урала
Мне прислали самоцвет.
Ночью солнышко не спало:
Мой готовило портрет».

Очень жалко, что солнце в порядке бессонницы изготовило только портрет воображаемой девицы. Если бы оно не поленилось и дало

бы нам портрет фактического редактора «Правды Севера», помещающего такие заумно-былинные стихи, было бы гораздо полезнее. Надо же знать в лицо тонких ценителей поэзии.

КОРОВЬИ РУКИ

К весеннему сезону газета «Сталинский путь» (село Песчаноконское, Аз.-Черн. края) успела открыть новый вид полезного домашнего животного, о котором (в № от 29 февраля) туманно говорит такая строчка в одной из заметок:

«ДОЯТ КОРОВ С ГРЯЗНЫМИ РУКАМИ...»

Удивительно еще, что высокограмотная газета не поместила после такой заметки краткий и выразительный лозунг:

«Вымоем руки трудовой корове!»

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ожеди. с 1 до 5 час. ● Подписная цена 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 297

Сдача текста и рисунков 17/III—36 г.

Подл. к печати 23/III—36 г.

Статформат 72×108. 1/8 печ. л.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б--21581

Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

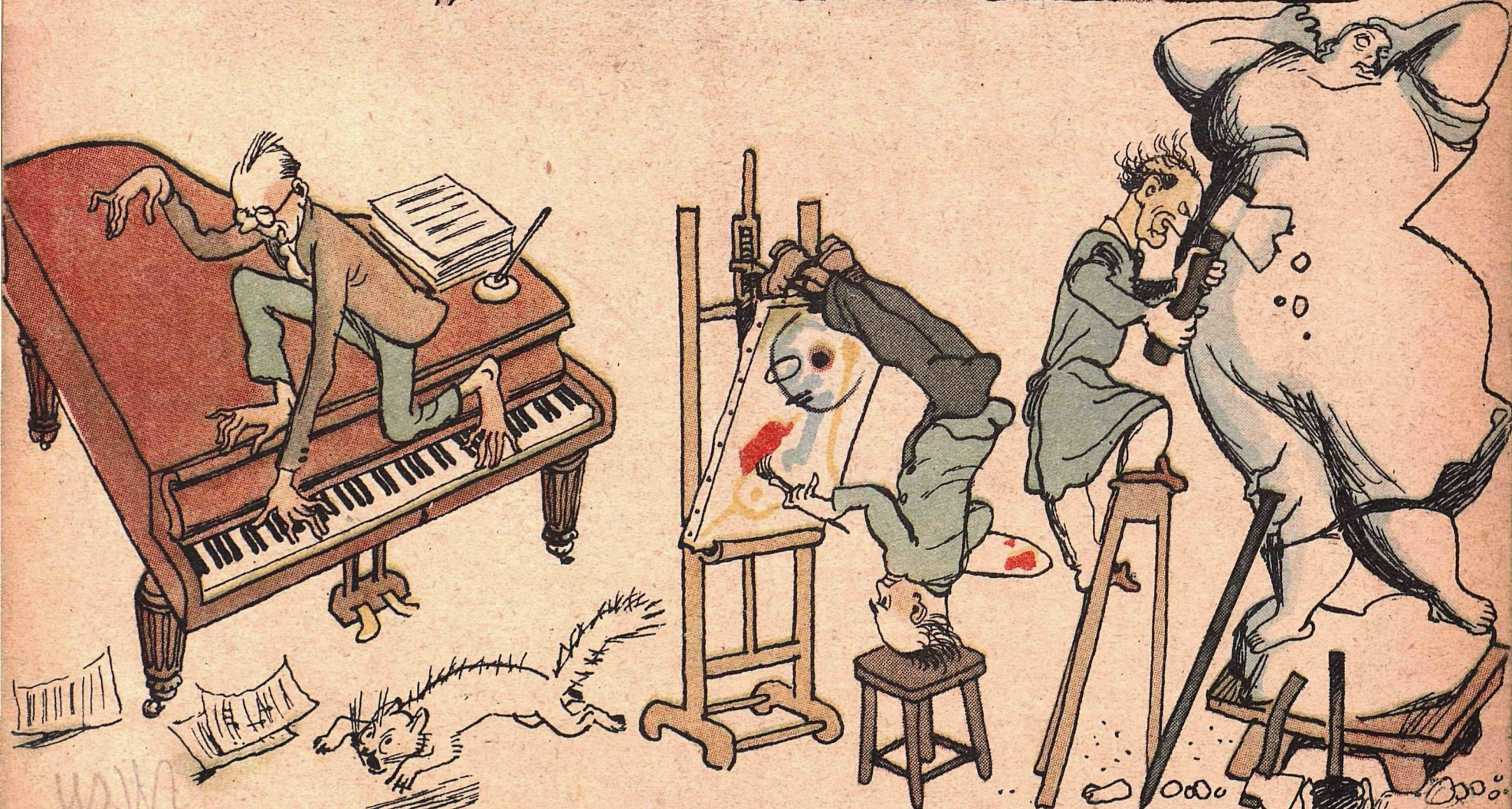
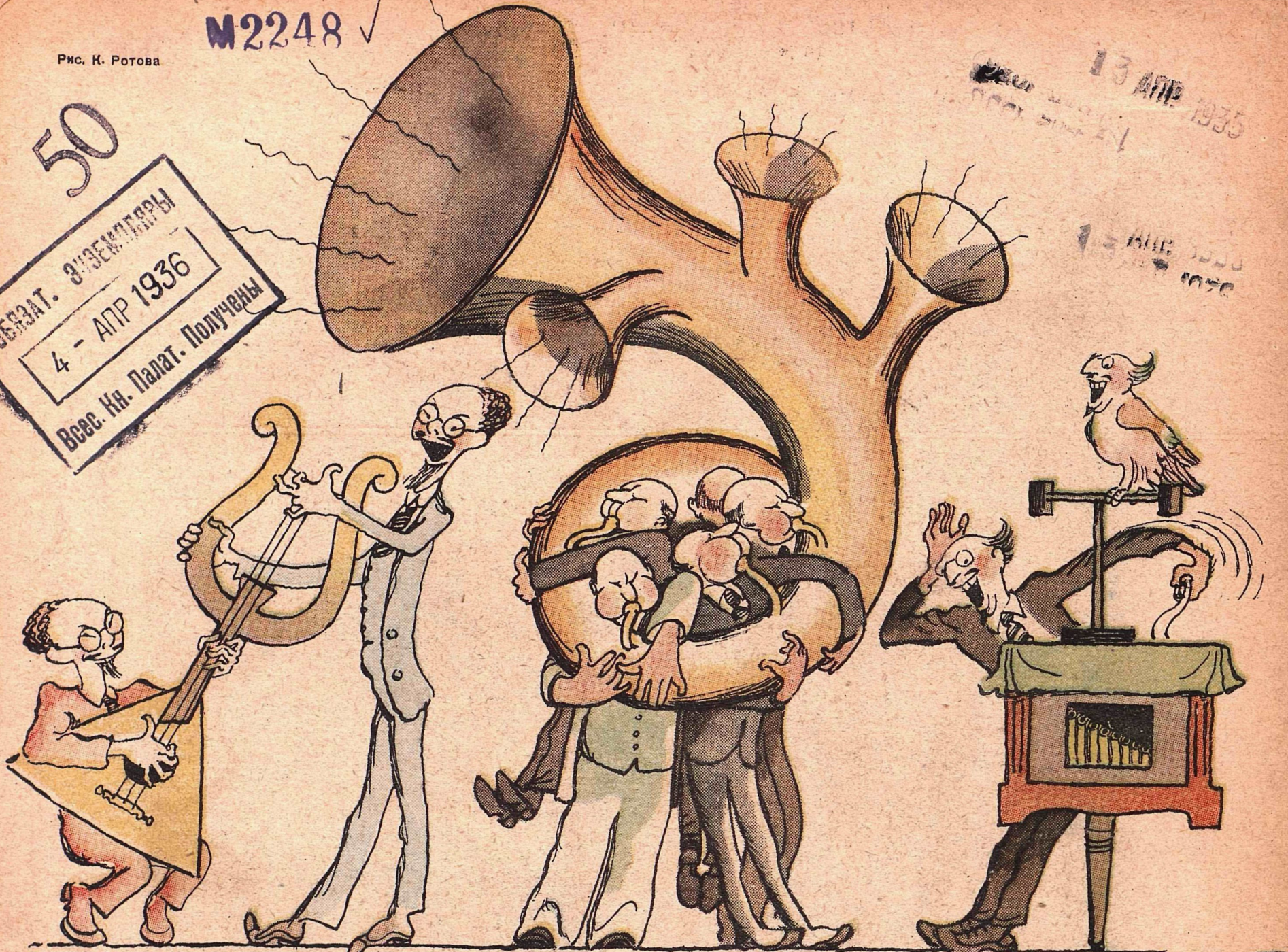
Заказ № 420

Тираж 266.000

50

ОБЪЕКТ. ВНЕКЛАССНЫ
4 - АПР 1936
Всес. На. Палат. Получены

13 АПР 1935
15112 1000
1070

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ ГЕНИЙ при помощи друзей и знакомых. Новейшее недорогое изобретение для прославления мастеров сумбура в музыке, скульптуре и живописи. Способ употребления ясно указан на рисунке: внизу — маститые мастера демонстрируют способы творческой работы, вверху — бойкие критики в боевом порядке прославляют мелкие плоды свежееизготовленного сумбура. Неохваченные на рисунке некоторые детали внимательный читатель найдет в стенограммах последних дискуссий о формализме, натурализме и творческих методах.